

УДК 321

ББК 66.03

ФЕНОМЕН «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ МИРЕ

Куныщиков С.В.

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук УрФУ
г. Екатеринбург, Россия
sergey.kunshchikov@urfu.ru*

Лебедкина Е.Г.

*студентка 4 курса по направлению «Политология»
департамента политологии и социологии УрФУ
г. Екатеринбург, Россия
katerina.taleriko@gmail.com*

Фищев И.Н.

*студент 4 курса по направлению «Политология»
департамента политологии и социологии УрФУ
г. Екатеринбург, Россия
f3-23@yandex.ru*

PHENOMENON "STATE" THE POSTCOLONIAL WORLD

Kunshchikov S

*Candidate of Political Sciences
Associate Professor, Department of Political Sciences, UrFU
Yekaterinburg, Russia
sergey.kunshchikov@urfu.ru*

Lebedkina E

*4th year student in the direction of "Political Science"
Department of Political Science and Sociology, UrFU
Yekaterinburg, Russia
katerina.taleriko@gmail.com*

Аннотация

В статье рассматривается феномен государственности, как политический критерий определения статуса "новых" государств в постколониальный период, его преимущества в сравнении с правовым, обосновывается необходимость детальной разработки сущностных характеристик феномена.

Annotation

The article considers the phenomenon of stateness, as a political criterion for determining the status of "new" states in the postcolonial period, its advantages in comparison with the legal one, substantiates the need for a detailed development of the essential characteristics of the phenomenon.

Ключевые слова: государство, государственность, полития, постколониализм.

Keywords: state, statehood, stateness, polity, postcolonialism.

Одной из центральных проблем современной политической науки является трансформация феномена государственности и определение статуса «новых» государств. Для этого сейчас существует правовой критерий, который сам по себе является амбивалентным. «Принцип равноправия и самоопределения народов», закрепленный в Уставе ООН (п.2, ст.1.) [1] и положение о территориальной целостности и нерушимости, закрепленные Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [4], противоречат друг другу. Противоречивость правовой базы свидетельствует о том, что необходим иной критерий для определения статуса «новых» государств. По нашему мнению, таким критерием должна стать «государственность».

«Государственность» является относительно новым понятием для российской политической науки. Оно довольно часто применяется исследователями для обозначения формальных признаков государства, таких как юридическое признание, правовая система, политические институты и т.д. Так, по мнению Г. Бурбулиса, «государственность есть структура власти и властных отношений в государстве, т.е. определенная Конституцией система институтов и правил их взаимодействия» [7]. Таким образом, феномен «государственности» сводится к определению структуры государственного аппарата и его функционирования. Однако, это сужает значимость феномена «государственности», что приводит к потере важных характеристик его определения и использования в научных исследованиях.

Вновь обратимся к международному праву, согласно которому существует две теории признания государства: конституитивная и декларативная. В 1933 году на VII Панамериканской конференции была подписана известная Конвенция Монтевидео, которая является одним из немногих международных правовых документов, которые определяют правосубъектность государства. В ней закреплялись три признака [3], которые необходимы и достаточны для образования государства:

- Фиксированные границы территориального образования и постоянное население;
- Наличие системы государственного управления, которая обладает суверенитетом;
- Возможность вступления в отношения с другими государствами.

Теория, основанная на данной конвенции, получила название декларативной. Согласно ее содержанию, признание государства другими государствами не влияет на его правосубъектность. Т.е. государство, а, значит, и государственность могут существовать и без признания его другими государствами – субъектами международного права.

С точки зрения конституитивной теории, только признание другими государствами устанавливает правосубъектность признаваемого государства,

т.е. признаваемое государственное образование ставится в зависимость от признающих его субъектов международного права.

Таким образом, правовой подход в оценке государства видится нам малоприменимым из-за отсутствия единого подхода в международном праве, а казуистика последнего рождает противоречащие друг другу феномены. Например, государство Израиль, признанное ООН, ставшее ее членом и имеющее статус субъекта международных отношений; и Палестина, которая также была признана ООН, однако членом последней не стала, и ко всему прочему ее нынешний политико-правовой статус является, мягко говоря, спорным.

Выше уже отмечалось, что для российской политической науки понятие «государственность» можно считать относительно новым и малоизученным. В западной политической науке для обозначения феномена государственности используется несколько различных терминов, и, прежде всего: «statehood» и «stateness» [8]. Оба на русский язык переводятся как государственность, однако несут разное смысловое значение.

Первое определяется как «государственный статус», включает в себя способность государства к распределению общественных благ, эффективное управление на территории государства и ее контроль. Второе, можно перевести как государственную состоятельность, идентификацию граждан с территориальным образованием, которая основана не столько на административном делении, сколько на историко-культурной общности.

Оба эти определения отражают лишь часть характеристик, которые, по нашему мнению, включает в себя феномен государственности, поэтому могут применяться лишь в совокупности с другими важными признаками.

Рассмотрим связь между государственностью и государством, поскольку необходимо понимать широту данного феномена. Для этого посмотрим на следующий ряд явлений из разных исторических эпох и сравним их: например, полис Древней Греции, Британская империя XIX века и современная Франция. Все перечисленные образования называют государствами. М.В. Ильин в одной

из своих работ замечает, что в современной политической науке нередко встречается анахронизм, который представляет собой наложение стандартов одной исторической эпохи на другую, суть которого заключается в том, что «слово “государство” (the State, der Staat; l’Etat etc.) не только по отношению к суверенным участникам сменяющих друг друга международных систем, но и к политиям всех времен, обладающим более или менее выраженной самостоятельностью и способностью вступать в межполитийные отношения» [6]. Таким образом, термин государство может быть применен не ко всему множеству политий, а только к ограниченному их числу. Тогда как понятие «государственность», имеющее более широкое значение, применимо по отношению ко всем проявлениям политического (политии).

В процессе деколонизации сформировались новые государства, причем, формировались они различными путями. Одни получили независимость от бывших метрополий, другие появились в ходе революций или сепаратизма. В итоге одни оказались признанными, некоторые признанными частично, а часть и вовсе непризнанными. Однако, с формальной точки зрения, признаками государства обладают и те, и другие и третьи, тогда как полноценными субъектами международного права, являются лишь первые. Это свидетельство того, что в современном международном праве отсутствуют универсальные механизмы признания государств.

Если нет универсальных юридических механизмов, способных урегулировать вопрос возникновения новых государств и их полноценного включения в международные отношения, значит, нет и универсального критерия, который бы позволил определить – является ли территориальное образование с претензией на статус государства государством. При этом данный критерий должен выходить за рамки формального права и быть по сути политическим. Именно таким критерием в постколониальную эпоху мы считаем феномен «государственности».

Большинство работ, которые посвящены определению и операционализации понятия «государственность» используют дуальные пары:

сильное-слабое, функциональное-дисфункциональное и т.д. [8] Однако, такой подход не позволяет выделить сущность данного феномена.

Другие исследователи, рассматривают государственность как набор формальных правовых признаков государства, которые в современных условиях могут быть отнесены и к непризнанным государствам [9]. В условиях территориально «закрытого» мира, когда вся территория планеты оказалась уже поделенной между конкретными государствами, создание нового государства возможно лишь с отделением территории, которая формально принадлежит другому государству, что делает появление новых государств, с точки зрения права, невозможным, ибо будет охарактеризовано как сепаратизм. При существующем положении дел – создание нового государства невозможно как правовое действие, оно возможно лишь как политическое Решение (в контексте деционизма К. Шмитта) [5], опирающееся на политическую волю суверена, в качестве которого может выступать часть или все население отдельной территории. Это проявление может быть признано мировым сообществом (Израиль), или не признано таковым (Рожава). Таким образом, государственность как проявление Политического и государство как проявление Правового принципов не тождественны друг другу.

Несостоятельность правового подхода в определении статуса новой политики можно заметить, рассмотрев конкретный пример. Государство Грузия, которое признано таковым мировым сообществом и является членом ООН, не контролирует 20% своей территории, т.е. не способно распространить на них свой суверенитет. При этом Абхазия, которая государством не признается, способна и осуществляет контроль на всей своей территории, имеет стабильно функционирующий аппарат управления, сохраняет внутренний и внешний суверенитет, т.е. отвечает всем правовым критериям государства, кроме одного – признания другими членами мирового сообщества.

Как было сказано выше, согласно Конвенции Монтевидео – признание не требуется для обретения правосубъектности. Исходя из этого, правовой подход в определении статуса политики создает противоречие, снять которое, в рамках

этого подхода, невозможно по причине отсутствия универсального набора характеристик, которым должна соответствовать полития для получения статуса государства. Следовательно, необходимо прибегнуть к использованию качественно другого подхода – политического, под которым мы понимаем признание государственности как продукта политической воли суверена, его способности действовать за рамками права в чрезвычайных условиях, отвечая на внешние и внутренние вызовы.

Следует отметить, что на данном этапе феномен государственности как политический критерий статуса современной политии малоизучен, и требует более детального изучения и проработки: необходимо не только определить сущностные характеристики феномена, но и создать инструмент, позволяющий оценить уровень государственности и тенденции ее развития.

Список литературы

1. Устав ООН // Организация объединенных наций. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 1.03.2019).
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №181(II) от 29 ноября 1947 г. — URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29> (дата обращения: 28.02.2019 г.)
3. Конвенция о правах и обязанностях государств (Межамериканский), 26 декабря 1933 года (Конвенция Монтевидео) // Национальное собрание (Парламент) Западной Армении. URL: <http://parliament-wa.info/ru/archives/1719> (дата обращения: 1.03.2019).
4. Хельсинский Заключительный акт. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 1.03.2019).
5. Шмитт, К. Понятие политического. Монография. Перевод с немецкого под редакцией А.Ф. Филиппова. — СПб.: Наука, 2016. — 568 с.
6. Ильин, М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С.8–41.

7. Становление новой российской государственности: Реальность и перспективы: Открытый доклад / В. Бакштановский, Г. Бурбулис, Ю. Веденеев и др.; Ред.: Ю. Веденеев и др.; Отв. ред. Г. Бурбулис; Гуманитарный и политологический центр "Стратегия". — М.: УРСС, 1996 — 232 с.

8. Токарев, А.А. Концептуализация и операционализация понятия государственность // Вестник МГИМО. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-i-operatsionalizatsiya-ponyatiya-gosudarstvennost> (дата обращения: 01.03.2019).

9. Шабуров А.С, Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия БГУ. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-gosudarstvennost-voprosy-sootnosheniya> (дата обращения: 01.03.2019).